

УДК 321.1

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ АВТОРИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.М. ПЕНСКАЯ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Penskaya@bsu.edu.ru*

Эта работа посвящена исследованию проблемы происхождения и развития традиции авторитаризма в России. Она представляет попытку ответить на вопрос – как, при каких обстоятельствах сформировался российский авторитаризм и в чем причины его живучести. В основу работы положен комплексный подход к изучению проблемы российского авторитаризма, процессы становления которого рассматриваются на широком фоне с привлечением аналогий. Автор высказали предположение, что формирование авторитарной традиции в России связано было с необходимостью осуществления внешней экспансии, вызванной внутренними и внешними обстоятельствами. В условиях, когда Россия оказалась втянута в межцивилизационный бескомпромиссный конфликт, когда она испытывала острую нехватку ресурсов, победить в этом конфликте можно было только путем создания сильного государства. Это государство могло мобилизовать ограниченные силы и средства и направить их на решение жизненно важных для общества задач. Мобилизационный характер государственности диктовал и требования к политическому режиму, который неизбежно приобретал авторитарный характер.

Ключевые слова: авторитаризм, власть и общество, история России.

Отправной точкой для этой статьи послужила фраза из записок голштинца Адама Олеария о рабском характере русских, которые «плохи на свободе, хороши в рабстве»¹. Это высказывание, ставшая квинтэссенцией отношения «просвещенного» Запада к варварам-москвитам, была написана вскоре (по историческим меркам) после того, как «рабские» по своей натуре русские собрались с силами, изгнали многочисленных неприятелей и восстановили в короткие сроки свою страну. И никто на «просвещенном» Западе не обратил внимания на парадокс – русские «рабы», которые не могут обойтись без ярма, «опьянены своим рабством» и неспособны ни к каким самостоятельным действиям без царской воли, тем не менее, отказались признавать иноземное владычество. По этому поводу отечественный писатель и публицист В.Е. Шамбаров метко заметил, что «...поляки (как и папа римский и иезуиты) допустили грубейшую политическую ошибку, представляя Россию сугубо в рамках собственных моделей, моделей противопоставления своих «свобод» (дворянских) русской тирании. Получалось и впрямь: смени или возьми под контроль царя – и делай с народом что хочешь, как в империи инков...». Это и стало причиной неудачи Речи Посполитой вывести Россию из игры на восточноевропейском политическом поле и поставить ее под свой контроль. «Дело-то в том, что Россия в XVII в. (точнее, в XVI веке, тогда как в следующем столетии ситуация постепенно изменяется – П.Т.) была не абсолютистским, а земским государством... Поляки на такую «мелочь» вообще внимания не обратили, как никогда не обращали внимания на «простолюдинов»... Но на Руси земства представляли огромную силу... Когда рухнула вся «вертикаль власти», «горизонталы» сохранились, что и обеспечило живучесть государства»².

Однако эта «черная» (Л.Н. Гумилев) легенда о России, «стране рабов, стране господ» и русских, рабах по натуре, уже прочно пустила корни и пошла гулять по свету. Спустя двести лет после Олеария и триста – после Герберштейна французский маркиз А. де Кюстин, излагая свои впечатления от знакомства с Николаевской Россией, писал, пораженный тем, что он увидел: «Все здесь созвучно – народ и власть. Русские не отказались бы от чудес, творимых волею царя... Но я не могу не поражаться тем, что из общего хора славословящих своего монарха..., не раздастся, хотя бы во имя справедливости, ни

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003. – С. 184.

² Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. – М., 2007. – С. 139-140.

одного голоса, протестующего против бесчеловечности его самовластия. Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания... Где нет свободы, там нет души и правды. Россия – тело без жизни, или, вернее, колосс, живущий только головой...». И еще одна весьма характерная фраза: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше стал лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре?... Русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием...»³.

Не будем вдаваться в споры о том, насколько точно маркиз сумел отразить реальные отношения между властью и обществом, монархом, просвещенной элитой и остальным народом. В процитированных пассажах важнее другое – повторение чуть ли не слово в слово тех идей, что были озвучены задолго до того, как француз отправился в загадочную северную страну, недавно сокрушившую империю Наполеона. И эти идеи живут и здравствуют по сей день, их влияние ощущается и сегодня – негативный образ России, страны, сошедшей с «правильного» пути, по-прежнему господствует в общественном сознании Запада, и не только Запада, пустил прочные корни в современном российском общественном сознании и продолжает культивироваться. Примером такого подхода может служить вышедшая недавно работа И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Сорокина. Написанная и живой, доступной форме, книга содержит целый ряд интересных идей и положений, заслуживающих дальнейшего развития, но согласиться общей тональностью этого исследования трудно именно в силу следования его авторами концепции России как «неправильной» страны, избравшей не ту, не «столбовую» дорогу развития государства и общества⁴.

Однако, как справедливо писала американский историк Н.Ш. Коллманн, такие представления основываются скорее на абстрактных концепциях и теориях, на штампах, чем на анализе конкретной действительности⁵. Ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления, к деспотизму и тирании. Внутри каждого общества всегда существовали и существуют различные тенденции, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей, зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Точно также мы убеждены и в том, что авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, развивается лишь при определенных условиях. В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, традиция авторитаризма в России возникла не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов.

Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц,

³ Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М., 1990. – С. 72, 153, 182-183.

⁴ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М., 2005. Ср.: Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/index.html

⁵ Коллманн Н.Ш. Соединенные чество. – М., 2001. – С. 37.

как полагают некоторые авторы⁶, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, служилый «чин» или кто-либо еще, а в силу стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «ab ovo», с того момента, когда началось складывание этого общества – т.е. фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начала формироваться Древнерусское государство – предшественник современного Российского государства, предложив свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

На наш взгляд, есть все основания полагать – российский авторитаризм стал, если воспользоваться концепцией А. Тойнби «Вызов-Ответ», закономерным ответом русского общества на сложные природно-географические и политические условия, в которых ему пришлось жить и развиваться. На первых порах, во времена Древнерусского государства, говорить о том, что авторитарная тенденция преобладала в русском историческом процессе, не приходится. Представляется, что есть все основания полагать, что до вторжения татаро-монголов древнерусское общество в целом развивалось по тем же направлениям, что и западноевропейское общество эпохи раннего Средневековья. На наш взгляд, есть все основания провести параллель между «империей» Рюриковичей и империей Каролингов (скорее, даже с королевством Меровингов) или целым рядом других раннесредневековых государств⁷. Все эти государства при всем их внешнем блеске и величии были внутренне непрочными и нестабильными. И там, и здесь государство и монархия были слабыми и непрочными. Слабость центральной власти в значительной степени компенсировалась самоорганизацией самого общества, и потому полагать, что эти государства были авторитарными, настоящими монархиями (в смысле «властью одного»), нельзя. Древняя Русь была государством самодержавным (в смысле независимым), но никак не авторитарным, ибо термин «самодержавие» долгое время понимался как синоним независимости, суверенности, самостоятельности государства и его персонального олицетворения – великого князя. Успешное функционирование и эффективность властных механизмов на всех уровнях во многом определялось умением князя взаимодействовать с местными элитами, учитывать их интересы, использовать, вернее, опираться в своей деятельности на складывавшиеся веками обычаи и традиции. И снова прибегнем к примеру раннесредневековой Англии. Как писал М.М. Горелов, «...раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места...»⁸. Судьба этих раннесредневековых государств, и Древняя Русь не была исключением из общего правила, зависела от сплетения множества как объективных, так и субъективных обстоятельств.

Продолжая аналогии дальше, можно отметить, что «Империя Рюриковичей» подобно государству Меровингов, империи Каролингов или Англии X – XI вв., на рубеже XII – нач. XIII вв. вступила в эпоху глубокого кризиса и трансформации в некое новое качество⁹. Нельзя исключить такого поворота событий, что, сложись история иначе, в результате начавшейся в конце XII – начале XIII вв. внутренней перестройки древнерусского общества на свет могло появиться сразу несколько новых государственных образований. Однако вторжение татаро-монголов внесло первые серьезные коррективы в ход российского исторического процесса. Оно застало и русскую государственность, и общество в переходный момент развития, когда они были очень далеки от завершения про-

⁶ Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М., 2001. – С. 52-53, 58, 69, 104 и далее.

⁷ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. – СПб., 1998. – С. 71. См. также, например: Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. – СПб., 2007; Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007). – М., 2009. – С. 29-46.

⁸ Горелов М.М. Указ. соч. – С. 69. Ср.: Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. – СПб., 2007. – С. 51-54 и далее.

⁹ Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М., 2003. – С. 5-11.

цессов внутренних изменений и обладали высокой степенью пластичности, легко подвергаясь изменениям под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития. Под влиянием этого сильнейшего внешнего фактора вектор развития средневековой русской государственности изменился.

Особенно сильным оказалось воздействие татарского господства на Северо-Восточную Русь, на тот регион, где позднее сформировалось ядро Российского государства. Оказавшись на периферии общеевропейского исторического процесса, вдали от важнейших торговых путей, на территории, бедной природными и иными ресурсами, в условиях, когда перед ним встали новые, более серьезные и сложные задачи, формирующееся российское государство и общество оказались перед мощным «Вызовом» (А. Тойнби). Они были вынуждены искать свое оригинальное решение вставшей перед ними проблемы, создавать такую организацию политической власти, которая смогла бы найти достойный ответ на вопрос – как выжить в этих сложных условиях.

Можно сказать, что молодое Российское государство должно было сыграть роль защитной оболочки, кокона, внутри которого русская православная цивилизация получила шанс на выживание и дальнейшее совершенствование. И с этой задачей оно справилось. «Этот случай еще раз доказывает, – писал А. Тойнби, анализируя итоги его развития в допетровскую эпоху, – что, чем сильнее вызов, тем оригинальнее и созидательней ответ. В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило **впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников (и не только их – П.Т.) и даже не просто побить их..., но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни** (выделено нами – П.Т.)...»¹⁰.

Но каким было это государство и как строились отношения общества с этим государством? В борьбе сперва за обретение утраченной независимости, «самодержавства», а затем и за гегемонию в Восточной Европе, за «ордынское наследство» и «наследство Ярослава Мудрого» способствовали формированию в России характерного государственного устройства и политического режима. Для европейцев, которые в конце XV в. с удивлением обнаружили для себя могущественное государство на востоке Европы, политический режим России, внешне столь отличный от привычных им форм общественно-политического бытия, мог быть охарактеризован в понятных им терминах только как деспотический и тиранический, основанный на идеях автократии и авторитаризма. Очевидно, что здесь и нужно искать корни «черной легенды» о присущем русским чувстве врожденного рабства и преклонения перед деспотической, авторитарной властью монарха, столь распространенными и по сей день не только за рубежом, но и у нас в России. Яркий тому пример – несколько фраз, автором которых является модный ныне историописатель Э. Радзинский: «Эпоха московских царей и следующая за ними 300 лет правления династии Романовых были эрой жестоких самодержцев... Московское государство вновь породило типично азиатскую самодержавную власть, у руля которой встала династия Романовых. XVII в. стал предвестником смуты 1917 г...»¹¹. Очевидцы, ярко и живо описывавшие необычные порядки, свойственные «нецивилизованным» москвитам, не смогли понять, что идея сильного государя и сильной центральной власти стала ответом на необходимость мобилизации всех ресурсов «земли» для решения задач, жизненно важных для всего общества. И «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен них «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны.

Но насколько «земля» была готова поступиться своими традиционными «вольностями»? Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, тирания, авторитарный режим, суть которого хорошо видна из знаменитого высказывания Ивана Грозного («Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»¹²), не могла существовать в Москов-

¹⁰ Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991. – С. 140.

¹¹ Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. – № 4. – 2006. – С. 92, 93.

¹² Послания Ивана Грозного. – СПб., 2005. – С. 30.

ской России только потому, что тот же грозный царь не имел надежных механизмов реализации своих деспотических поползновений (если таковые у него были). Московское государство в XVI в. было недостаточно сильно, чтобы обойтись без поддержки «земли». Характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV – XVI вв., академик Н.Н. Покровский писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П.Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – П.Т.). Но это автоматически означало серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹³.

В этом крылась одновременно и сила, и слабость Московского государства, и, представляется, здесь, возможно, и кроется разгадка правления Ивана Грозного. В своих посланиях он мог писать все, что он думает и как он представляет себе тот политический идеал, который был мил его сердцу. Однако при столкновении с реальной действительностью этот авторитарный идеал неизменно разрушался. Казня своих противников, явных или же только подозреваемых в сопротивлении своим планам, Иван все равно стремился найти оправдание политике репрессий, пытался заручиться поддержкой, «земли», а когда не чувствовал себя абсолютно уверенным в своей правоте, то искал поддержки, утешения и прощения у Бога. Трудно сопрягается образ царя-тирана и деспота с образом постоянно мнящегося, колеблющегося, не уверенного в своей правоте царя и, видимо, не случайно рождается весьма популярная, особенно в околоисторических кругах, идея о безумии, поразившим царя¹⁴.

Было бы, конечно, весьма соблазнительно свести все проблемы русской истории к психическим особенностям того или иного лица, стоявшего во главе государства, но такое объяснение представляется слишком простым и примитивным. Не отрицая роли субъективного фактора, тем не менее, мы далеки от стремления придать ему главенствующий, доминирующий характер. На наш взгляд, метания Ивана Грозного во многом были предопределены как раз несоответствием возможностей того государственного механизма, той политической системы, которая оказалась в его распоряжении, и теми неожиданно усложнившимися условиями, внешними и внутренними, в которых ему и его правительству пришлось действовать. Политические структуры и институты, сформировавшиеся при его деде и отце, в новых условиях оказались неэффективными, неспособными выполнить тех широкомасштабных внешнеполитических планов, которые попытался реализовать Иван IV, подталкиваемый к тому как внешними, так, в особенности внутренними причинами. Конец XVI – начало XVII вв. ознаменовался новым кризисом русской государственности и сложившейся системы взаимоотношений власти и общества, основанной на соблюдении обычая и традиции, а также определенного паритета интересов государства и «земли». И снова, как это было в XIII в., внешняя угроза, до основания потрясшая русское общество и его устои, изменяет вектор политического развития российской государственности.

После Смуты возврат к прежним старым добрым временам был уже невозможен. Конечно, можно представить, как делают некоторые авторы, что было бы, если бы польский принц Владислав стал бы московским царем и правил бы Россией на основе «конституции» боярина М. Салтыкова¹⁵. Однако возникают серьезнейшие сомнения относительно жизнеспособности такой химеры. Во что могло вылиться такое правление, хорошо понимали сами русские того времени. Характерно высказывание «некоего москвитянина», которое приводит в своем дневнике поляк С. Маскевич: «В беседах с москвитяни-

¹³ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск, 1991. – С. 5-6.

¹⁴ См., например: Грин В. Безумные короли. – Р.-на-Д., 1997. – С. 226-238.

¹⁵ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Указ. соч. – С. 134-136; Янов А.Л. Указ. соч. – С. 29, 353.

ми, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам неволя. **У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого** (выделено нами – П.Т.); может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. **У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу** (Выделено нами. В принципе, это высказывание можно трактовать как своего рода манифест «просвещенного» абсолютизма, когда монарх выступает в роли своеобразного арбитра, стоящего над индивидуальными и узкословными интересами – П.Т.). Если же сам государь поступит неправомерно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света”...»¹⁶.

Еще раз подчеркнем, что в этом вопросе мы согласны с мнением Б.Н. Флоры, отмечавшим, что польско-литовская модель общественно-политического развития носила тупиковый характер и была отвергнута русским обществом как неприемлемая¹⁷. Принятие этой модели вряд ли привело бы к установлению в России не то что демократии, но даже ограниченной монархии, а скорее либо к поглощению России Речью Посполитой, либо к установлению режима правления боярской олигархии, весьма сходного с тем, что сложился в 1-й пол. XVII в. в самой Речи Посполитой и с аналогичными печальными последствиями спустя столетие-другое.

Шок и потрясение, испытанное Россией и русским обществом в результате Смуты, на наш взгляд, были таковы, что практически полностью перечеркнули возможность альтернативного развития. Если до этого и могли быть какие-то иллюзии, то теперь они оказались невозможны – спасение от повторения Смуты виделось теперь только в сильной центральной власти. Испытанное «...давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям ...», – писал А. Тойнби¹⁸.

Главный вывод, сделанный из бурных событий эпохи Смутного времени, заключался прежде всего в том, что в Москве четко усвоили, что «...в условиях того времени стать «ведущей державой» значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав... Дальнейшая экспансия была невозможна без сильной профессиональной армии, опирающейся на современную индустрию, что... требовало радикальной реформы...»¹⁹.

Но и это еще не все. Само русское общество, испытав нечеловеческое напряжение в годы Смуты, осознало, что только сильное государство, сильная власть способны отстоять независимость страны. Это требовало создания соответствующего государственного устройства, способного обеспечить мобилизацию немногочисленных ресурсов страны и общества на решение жизненно важных вопросов.

Однако в условиях острой нехватки ресурсов разрешить эту задачу можно было только в ущерб традиционным вольностям и свободам, и общество, «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны. И снова проведем аналогию, на это раз между «несвободным» Российским государством и «свободным» Польско-Литовским. В конце XVIII в. Речь Посполитая, раздираемая внутренними противоречиями, оказалась разделенной своими соседями и прекратила свое существование.

¹⁶ Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. – Вып. II. – СПб. 1859. – С. 57.

¹⁷ Флора Б.Н. Иван Грозный. – М., 2003. – С. 395-397.

¹⁸ Тойнби А. Указ. соч. – С. 147.

¹⁹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М., 1999. – С. 48.

Польская правящая элита оказалась неспособна подняться над своими узкословными интересами и в итоге погубила свое государство. Напротив, «служилое» государство, сформировавшееся в России, оказалось способно от мобилизовать скудные силы и ресурсы для того, чтобы дать адекватный ответ на вызов как Запада, так и Востока. Прежние вольности и свободы оказались несовместимы с новейшими требованиями в политической и военной сфере, тогда как московское «рабство» – наоборот. Русское «служилое» государство²⁰, сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов как со стороны и Запада, и Востока. Т.о., прав был отечественный историк А. Петров, когда писал, что «...в борьбе за «киевское наследство» (и за ордынское в том числе – П.Т.) Московская держава сформировалась как **сплоченная национальная военно-государственная структура. Сформировался своего рода военный лагерь** (выделено нами – П.Т.). Государева власть стала единой и самодержавной, подчиняя и подавляя частные и общественные интересы. **Только прочное и безусловное сосредоточение сил и средств в распоряжении власти** (выделено нами – П.Т.) дало возможность организовать их и вести активную политику на пространствах Восточной Европы...»²¹.

И если мы принимаем эту точку зрения, то тогда необходимо согласиться и с мнением русского философа Г.П. Федотова, отмечавшего, что «весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. **Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство** (выделено нами – П.Т. И от себя мы добавим – судя по всему, это был единственный выход, ибо в начале XVII в. Европа еще была не готова к экспансии в восточном направлении и у России было время подготовиться к рывку с тем, чтобы встретить потенциальную угрозу во всеоружии)...»²².

«Служилое» государство первых Романовых смогло решить проблему, ранее представлявшуюся неразрешимой. Экспансия и в западном, и в южном направлениях была возобновлена. Хотя на первый взгляд, добиться больших успехов ни Алексею Михайловичу, ни Федору Алексеевичу на этом пути не удалось, тем не менее, старые противники Москвы, Крым и Речь Посполитая, в возобновившейся борьбе получили тяжелые удары. Россия не только смогла положить конец татарской угрозе, но и приступить к освоению Дикого поля (достаточно вспомнить о постройке Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевала у Речи Посполитой не только Смоленщину, но и Левобережную Украину. Более того, она нанесла такие сильные удары польско-литовскому государству, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву по меньшей мере равноправным партнером.

Однако с течением времени, когда эта задача оказалась выполнена, авторитарная традиция, освященная достигнутыми успехами, церковью и обычаем, уже не могла быть отменена просто мановением руки или законодательным актом, тем более что она оказалась чрезвычайно удобным инструментом в руках власти для разрешения задач, нередко расходившихся (и чем дальше, тем больше) с интересами общества. Петр, поставив перед обществом и государством новую сверхзадачу, исходил из того, что Россия может рухнуть под натиском более мощных противников, повторив судьбу Византийской империи²³. Включившись в работу европейского «концерта», Россия должна была любой ценой поддерживать необходимый уровень расходов для сохранения статуса великой державы и

²⁰ Флоря Б.Н. Указ. соч. – С. 395.

²¹ Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 172.

²² Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М., 2003. – С. 616.

²³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Т. 1. – М.-Л., 1945. – С. 159.

субъекта международного права. В условиях нарастающего социально-экономического и политического отставания России от передовых стран Европы решить эту задачу можно было только при условии сохранения авторитарного политического режима как наиболее эффективного механизма мобилизации ресурсов для достижения успеха в ожесточенной конкурентной борьбе. Попытка России позиционировать себя в мировом сообществе как великую державу в условиях относительной бедности страны и общества неизбежно вело к консервации авторитарной политической традиции.

Эта политическая традиция достигла своего апогея в 1-ю четверть XVIII в., когда государство попыталось, и не без успеха, полностью подмять под себя общество. Новая политическая доктрина была четко выражена в чеканных словах петровских Воинских артикулов 1715 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»²⁴. В такой конструкции места прежнему сотрудничеству «земли», где «умных людей нет», и «просвещенного» монарха, не было. Патриархальное Московское царство должно было превратиться в регулярную, полицейско-бюрократическую Российскую империю, своего рода машину, перед лицом которой все были бы равны, и даже сам император был бы одним из колес, пусть и самым главным, этого чудовищного механизма. Лишь после смерти Петра Великого началась постепенная либерализация режима, но коснулась она только одной социальной группы, а именно российского дворянства. Самодержавие было вынуждено пойти ему на уступки, поскольку «шляхетство» в ходе петровских преобразований окончательно утвердило себя в качестве главного столпа империи, и заставило власть прислушиваться к своему мнению. Но по отношению к другим сословиям практически ничего не изменилось, и даже более того, давление на них со стороны государства еще более увеличилось. В итоге это позволило российским монархам XVIII в., не обладая такими же ресурсами, как, например, Англия или Франция, выйти в число мировых держав и заставить считаться с собой и своими интересами Европу.

Вместе с тем необходимо отметить, что есть все основания сомневаться в том, что мобилизационный тип государственной машины и подчинение интересов личности и общества интересам государства оказался в конечном итоге наилучшим историческим выбором для России и русского народа. «Служилый» характер государства и отношений между ним и обществом для своего времени был необходимым и сыграл свою положительную роль, но впоследствии он же способствовал в немалой степени консервации отсталых, архаичных форм общественной и политической жизни. Это, в свою очередь, приводило к тому, что каждый раз, когда Россия пыталась совершить рывок вслед за Западом, запустить двигатель внутреннего саморазвития общества и государства так и не удавалось, и последствия модернизационного рывка всякий раз носили конечный характер. Совершив скачок и догнав Европу, Россия затем, по мере иссякания энергии толчка, постепенно замедляла свое развитие, в результате чего снова возникал разрыв между Европой и Россией, преодоление которого требовало новых чрезвычайных усилий со стороны как общества, так и государства.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск: Наука, 1991. – 240 с.
2. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.yurii-afanasiev.ru/dangerous_rus/index.html
3. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 646 с.
4. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. – СПб.: Евразия, 2007. – 288 с.
5. Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. – СПб.: Алетей, 2007. – 176 с.
6. Грин В. Безумные короли. – Р.-на-Д.: Феникс, 1997. – 480 с.
7. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 575 с.

²⁴ Воинский артикул 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1986. – С. 331.

8. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М.: КоЛибри, 2005. – 638 с.
9. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. – М.: Древлехранилище, 2001. – 463 с.
10. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. – СПб.: Алетейя, 1998. – 446 с.
11. Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.
12. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М.: Наука, 2003. – С. 5-11.
13. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. – Вып. II. – СПб. 1859. – С. 7-124.
14. Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – С. 29-46.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.
16. Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 168-172.
17. Послания Ивана Грозного. – СПб.: Наука, 2005. – 715 с.
18. Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. – № 4. – 2006. – С. 92-97.
19. Воинский артикул 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 327-365.
20. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
21. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 700 с.
22. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: – Молодая гвардия, 2003. – 403 с.
23. Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. – М.: Алгоритм, 2007. – 592 с.
24. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.

TO A PROBLEM OF SOURCES OF AUTHORITATIVE TRADITION IN RUSSIAN SOCIETY

This work is devoted to research of origins and development of tradition of authoritarianism in Russia. It represents attempt to answer a question – as, under what circumstances was the Russian authoritarianism generated and what is the reason of its survivability. The complex approach is put in a basis of work to study the problem of the Russian authoritarianism which developmental processes are considered on a wide background with attraction of analogies. The author starts with the assumption that formation of authoritative tradition in Russia has been connected with necessity of realization of the external expansion caused by internal and external circumstances. In conditions when Russia is involved in the uncompromising conflict between different civilizations, when it faces sharp shortage of resources, to win this conflict means only to create the strong state. This state could mobilize the limited forces and means and to direct them on the decision of the vital problems for the society. Mobilization character of statehood implies also requirements to a political mode which inevitably gains authoritative character.

T.M. PENSKAYA

Belgorod State University

e-mail: Penskaya@bsu.edu.ru

Key words: authoritarianism, power, society, history of Russia.